

Император Александр I, 1802 г.

«Всю жизнь в дороге – и умер в Таганроге»: странствия императора Александра I

*Мазин К.А.,
к.и.н., доцент РГУТиС*

В статье основное внимание автора сосредоточено на анализе истории путешествий Александра I и его роли в развитии туризма как социальной практики русской аристократии в XIX в. Путешествия императора России рассматриваются в социально-политическом и культурном контексте.

Ключевые слова: Александр I, путешествие, культура, международные отношения.

The author focuses on tracking Alexander I travels and his role in developing tourism as social practices of Russian aristocracy in the XIX-th century. The Russian Emperor's travels are looked in socially, politically and culturally.

Key words: Alexander I, Travel, Culture, International Relations.

В XVIII в. завершился духовный переворот в среде представителей высших слоев русского общества. Значительную роль в этом эпохальном событии сыграли заграничные путешествия россиян, которые выполняли функцию связующего звена между культурами

России и западного мира. Как известно, суть духовного переворота – переход от преимущественно религиозно-клерикального к светскому, рационалистическому восприятию действительности. Именно такой культурно-познавательный, мирской характер стал преобладать в вояжах граждан Российской империи за границу, в отличие от предшествующих паломнических выездов за рубежи родины.

Россия, вовлеченная в водоворот западноевропейской культуры лишь в XVIII в., находилась в привычном для себя состоянии догоняющей страны. Количество наших «туристов», одновременно пребывающих за рубежом, исчислялось сначала десятками, затем сотнями. Это не идет ни в какое сравнение, например, с ведущей нацией путешественников в Европе того времени – с англичанами. Так, по сведениям английского историка Э. Гиббона, проживающего в Швейцарии, в 1785 г. на континенте находилось около 45 тыс. его соотечественников [4, с.33]. Однако, Россия очень быстро набирала обороты в плане освоения основных европейских маршрутов, тем более, что со смертью Павла I, который хотел прекратить даже книгообмен с Европой, недолгая эпоха запретов на выезды за границу прекратилась навсегда. А новый император, что очень важно для самодержавного государ-

Сражение под Аустерлицем, 1805 г.

ства, сам все время своего правления являлся «туристом № 1».

Уже через десять дней после своего утверждения на престоле, 22 марта 1801 г., Александр I дает Указ Сенату «о свободном пропуске приезжающих в Россию и отъезжающих из нее» [9, с.241]. 31 марта того же года новый император вновь разрешает свободно привозить из-за границы книги и ноты [9, с.241]. 4 января 1802 г. вышел в свет первый номер журнала «Вестник Европы» под редакцией Н.М. Карамзина, основного в этот период печатного органа, знакомящего россиян с жизнью за границей. Все это послужило сигналом российскому обществу к возобновлению зарубежных путешествий.

Самому Александру I не повезло: буря Великой Французской революции, следовавшие за ней европейские войны, а затем буквально ежедневный контроль отца, императора Павла I, за выполнением многочисленных обязанностей по военной службе наследника престола, не позволили будущему российскому самодержцу завершить свое образование длительным заграничным путешествием.

Свою давнишнюю мечту о поездке за границу Александр I осуществил уже будучи императором, в 1802 г.

В апреле этого же года император призывал к себе министра иностранных дел князя

В.П. Кочубея и объявил ему о своем намерении ехать в Мемель в гости к прусскому королю Фридриху-Вильгельму III. Разумеется, мы далеки от мысли, что этот вояж Александра I и последующие его заграничные путешествия имели чисто туристические цели. Безусловно, пребывание за рубежом русского императора имело, в первую очередь, военные и политические причины. И по-другому быть не могло в силу статуса путешествующей особы,

однако, именно первый выезд за границу был обставлен как чисто туристическая поездка. «Кому придет в голову, - писал граф Кочубей, - что два государя совершают переезд для того только, чтобы осмотреть несколько полков? А в сущности это так и не иначе. Кто поверит, что министр иностранных дел не знал ничего об этой поездке? А между тем и это сущая правда» [12, т.2, с.86].

Отъезд Александра из Петербурга последовал 20 мая в восемь утра. Вечером того же дня путешественники прибыли в Нарву. 22 мая — в Дерпт.

Поездка молодого и пока еще популярного императора напоминала триумфальное шествие. 24 мая монарха встретили с необычным торжеством в Риге. Несмотря на протесты Александра, из его экипажа выпрягли лошадей, и несколько сотен рижан довели российского правителя до его резиденции, так сказать, на «людской тяге». Городские улицы, по которым двигалось шествие, были полны народа, в окнах развивались флаги, во многих были выставлены бюсты Александра I, обставленные зеленью и увенчанные розами. Весь город был в радостном волнении, который разделяли и иностранцы. Одному любекскому шкиперу, пытавшемуся поближе пробиться к царской карете, отдавили ногу. Но, не обращая на боль внимания, шкипер сказал окружающим: «Какая важность в том, что мне

помяло пальцы? Мои глаза видели императора мира. Я счастлив» [12, т.2, с.89].

Так русский самодержец на время своего пребывания сам стал туристической достопримечательностью для жителей и гостей Риги.

Вечером того же дня Александр посетил театр, затем бал, устроенный местным обществом. На следующий день он присутствовал на обеде, данном дворянством города Риги, затем осмотрел достопримечательности, среди которых была и цитадель, в ознакомлении с которой более века назад было отказано его великому предку, Петру I, что явилось одной из официальных претензий при объявлении войны Швеции в 1700 г.

Таков обычный набор туристических практик¹ не только этого, но и всех последующих зарубежных путешествий Александра I. Некоторые из них имели протокольный характер и, может быть, мало привлекали русского императора, но были и такие, которые доставляли ему удовольствие. Молодой правитель России очень любил нравиться вообще и женщинам особенно, поэтому многочисленные балы и званые обеды, где императора осыпали комплиментами, надо полагать, не вызывали раздражения Александра.

Была и еще одна сфера, которой отдавал предпочтение новый русский император – строевая подготовка войск, или как ее шуточно называли в то время – «марсомания». Здесь явно сказалось гатчинское воспитание Александра I. Действительно, перед визитом в Мемель он «заранее восторгался предстоявшим ему счастьем увидеть, наконец, прусские

войска, о коих был издавна самого высокого мнения».

29 мая 1802 г. Александр прибыл в Мемель, торжественно встреченный королем и населением. В течение семи дней смотры, маневры и обеды сменялись балами и прогулками, т.е. любимыми для царя мероприятиями. К тому же в Мемеле между императором и королевой Луизой началось то «платоническое кокетство», род связи, который, по меткому замечанию кн. А. Чарторыйского, особенно нравился Александру, «всегда готовому жертвовать ему немало времени» [12, т.2, с.90].

Разумеется, встреча и начавшаяся дружба между русским императором и прусским королем имела огромные политические последствия. Однако за все семь дней пребывания в Мемеле между главами государств о политике не было сказано ни слова: формат чисто туристической поездки был соблюден. 4 июня 1802 г. император Александр расстался с прусским королевским семейством и принял обратный путь в Петербург через Ковно, Вильно, Гродно, Минск, Витебск, Полоцк и Псков.

Следующий выезд за границу Александра I был связан уже с далеко не туристическими целями: Россия участвовала в очередной антифранцузской коалиции. Но и это, казалось бы, чисто военное мероприятие сопровождалось элементами туристического времяпровождения. Чтобы подчеркнуть свое расположение к новому управляющему министерства иностранных дел кн. А. Чарторыйскому, император решил некоторое время погостить в имении родителей своего любимца.

Отправляясь в армию, император заехал в Веймар к своей родной сестре великой княжне Марии Павловне, выданной замуж в 1804 г. за наследного принца Саксен-Веймарского Карла Фридриха, известной покровительнице искусства, дружившей с Гёте, Шиллером и другими корифеями немецкой литературы [2, с.272]. Это возобновило еще одну, начатую ещё в путешествии цесаревича Павла, обязательную традицию – посещение родственников во время пребывания за границей. Она не только продолжится, но и получит значитель-

¹ Туристические практики – достаточно новая дефиниция, впервые введенная в научный оборот французским профессором П. Кювелье в его работе «Старые и новые формы туризма: социально-экономический подход (Cuvelier Pascal. Anciennes et nouvelles formes du tourisme, une approche socio-economique // Collection Tourisimes et Societes. L'Harmattan, 1998) и нашедшая продолжение в некоторых публикациях других европейских исследователей (см., например, Equipe MIT, 2002. Tourisimes 1. Lieux communs. Paris, Berlin. Coll. Mappemonde, 2002). Данный термин служит для обозначения «видов деятельности, практикуемых туристами в выбранном ими для этого месте». Он является следствием социолого-антропологического анализа феномена туризма в противовес укоренившемуся чисто экономическому подходу к этому явлению со сложившимися терминами - потребитель, туристический спрос и т.п.

ное развитие вследствие поддержания другой традиции — брать невест и женихов для русского императорского дома исключительно из немецких земель. Вскоре большинство представителей императорской фамилии при любом королевском дворе Европы могло найти брата, сестру, тётю, дядю, бабушку, дедушку и т. д.

Третье заграничное пребывание Александра I также целиком и полностью связано с войной с Наполеоном и последовавшими за ней мирными переговорами. Император покинул Санкт-Петербург 16 марта 1807 г. Проезжая через Митаву, Александр посетил проживавшего в замке герцогов Курляндских французского изгнанника графа Лильского, будущего короля Людовика XVIII, и заверил его, что восстановление законной монархии во Франции является делом его чести. Но, как известно, в этот раз выполнить свое обещание Александру не удалось. Военные действия 1807 года завершились подписанием Тильзитского мира.

14 июня состоялось второе свидание двух императоров, а вечером этого же дня Александр I переехал в Тильзит. Во время его пребывания русские войска гарнизона были гостями французов. Питались они вместе с французской гвардией. Офицеры и генералы ежедневно завтракали у Бертье, кроме того их часто приглашали к обеду тот же Бертье, Коленкур, Дюрок. За исключением чинов русского гарнизона, в Тильзите никому из русских не позволялось переходить на левый берег Немана, но оставить без личного досмотра такую достопримечательность, как Наполеон, наши соотечественники не могли: генералы и офицеры ездили в Тильзит в штатском платье и даже жили там по несколько дней [12, т.2, с.186].

Утро начиналось тем, что граф Толстой и Дюрок приходили осведомляться первый о здоровье Наполеона, второй — о здоровье Александра. Затем до обеда оба императора, иногда в сопровождении короля прусского, отправлялись на смотры и учения французских войск, расположенных около Тильзита. Возвращаясь из этих поездок, Наполеон удерживал у себя императора Александра и посылал к нему домой за необходимым пла-

тьем для переодевания к обеду. Наполеон нередко снабжал русского царя даже своими галстуками и носовыми платками. Однажды Александр I обратил внимание на великолепный золотой дорожный несессер Наполеона, который был немедленно преподнесен ему в подарок.

Ежедневно русский император обедал у Наполеона. Иногда к столу приглашались прусский король, цесаревич Константин Павлович и Мюрат. За стол садились в восемь вечера. Потом императоры расходились на некоторое время, чтобы дать прусскому королю возможность удалиться. Часов в десять вечера Наполеон приходил к Александру пешком, без свиты и адъютантов. «Тогда начинались исторические беседы двух императоров, продолжавшиеся далеко за полночь, последствием которых было совершенное видоизменение карты Европы» [12, т.2, с.192].

Тильзитский мир был подписан 25 июня 1807 г., а 27 июня состоялся торжественный акт его ратификации, который сопровождался взаимным вручением орденов высшим сановникам России и Франции, а также храбрейшим солдатам. Орден Почётного легиона получили сам Александр I, цесаревич Константин Павлович, министр иностранных дел барон Будберг, русские дипломаты князь Куракин и Лобанов-Ростовский, а также гренадёр Преображенского полка рядовой Лазарев, причём последний с пожизненной ежегодной пенсией в 1200 франков [12, т.2, с.200]. Батальон французской гвардии дал обед батальону Преображенского полка. «Подле каждого нашего гвардейца сидел французский солдат; угощение для всех солдат было на серебряных приборах. Преображенцы примеряли французские мундиры и медвежьи шапки, а француза - русские мундиры и кивера. Общее веселье кончилось тем, что некоторые повалились под стол» [12, т.2, с.201]. Александр I хотел ответить тем же, но... у них не нашлось нужного количества серебряных приборов [12, т.2, с.201].

В тот же день состоялась прощальная беседа Александра I с Наполеоном, после чего русский царь отправился домой и 4 июля 1807 г. возвратился в Санкт-Петербург.

Очередное и самое длительное «турне» по Европе Александр I совершил во время заграничного похода русской армии, сразу после окончания Отечественной войны 1812 года. Уже 7 декабря император, после традиционного молебна в Казанском соборе, отбыл из Санкт-Петербурга в главную квартиру М.И. Кутузова, находящуюся в Вильно, а 1 января 1813 г., несмотря на сопротивление значительной части своего окружения и вопреки мнению большинства дворянства, Александр I вместе с армией России переправился через Неман и вступил в земли герцогства Варшавского [12, т.3, с.139].

Агония остатков наполеоновской армии, не желавшей признать своё поражение, и противоречия России со своими прусскими и австрийскими союзниками вновь сделали маршрут Александра зигзагообразным. Только в Шомоне императору удалось пробыть две недели на одном месте [12, т.3, с.193]. После долгих перипетий союзники вышли к Парижу, и 17 марта Александр I заночевал в замке Бонди в 7 верстах от французской столицы. И, наконец, 19 марта союзные войска торжественно вошли в Париж. Стояла великолепная, солнечная погода, празднично одетые люди толпились на улицах, даже крыши домов были усыпаны сотнями любопытных. По воспоминаниям очевидца событий графа Нессельроде, «казалось народ собрался, чтобы погулять на празднике, а не для того чтобы присутствовать при вступлении неприятельских войск» [12, т.3, с.210]. Из окон свешивались белые скатерти. Женщины в окнах и с балконов махали белыми платками. Один из французских историков очень точно определил настроение парижского населения в день 19 марта следующими словами: «Тогда не рассуждали: дышали» [12, т.3, с.212]. И во главе этого жизненного пиршества красовался русский император Александр I.

Ещё в Вильне, в декабре 1812 г. он сказал: «Наполеон мог даровать мир Европе. Мог — но не сделал! Теперь очарование исчезло! Увидим, что лучше: заставить себя бояться или любить» [12, т.3, с.212], и Париж был самым благодатным поприщем для осуществления

Русские солдаты в Париже, 1814 г.

этих великодушных помыслов и идеальных стремлений Александра.

Во французской столице русский император хотел сначала избрать местом своего пребывания дворец Тюильри, но получив сведения о том, что в погребах заложен порох для взрыва (видимо эта версия была специально инспирирована Талейраном, желавшим быть постоянно при особе императора), он избрал местом своего временного проживания дом главы французского внешнеполитического ведомства. Отметим, что это первая известная нам попытка покушения на главу русского государства за границей, что станет потом, к ужасу русских венценосных путешественников, злой традицией.

Удостоившись высших почестей, всюду встречая проявление высочайшего восхищения и искренней любви, Александр I захотел «пролить перед Господом все чувствования свои» [12, т.3, с.221], но в Париже не было русской церкви. Однако удача сопутствовала русскому самодержцу и в этом его желании: нашлась по-

сольская церковь, которую последний русский посол перед отъездом передал на сохранение в дом американского посланника. Она была размещена в доме напротив дома Талейрана, где жил Александр I. Французские власти, заботясь о спокойствии русского царя, запретили проезд экипажей по данной улице, и хотя толпы парижан по-прежнему не оставляли императора, по его воспоминаниям, он «никогда с таким удовольствием не говел, как в многолюдной столице Франции» [12, т.3, с.222].

Шла последняя неделя Великого Поста, и Александр I пожелал также, чтобы говели войска: последовал приказ, воспрещавший офицерам и солдатам посещение на это время «театров, шумных парадных собраний и всяких публичных увеселений» [12, т.3, с.222].

В день Святого Воскресения Господня, 29 марта 1814 г., население Парижа стало свидетелем совершенно нового для него зрелища. На Гревской площади, на том месте, где в 1792 году стоял эшафот, на котором был казнён Людовик XVI, был возведён амвон; созваны все русские священники, состоявшие при войсках, и была отслужена торжественная пасхальная служба. Как вспоминает сам Александр I: «Всё замолчало, всё внимало! Торжественная была эта минута для моего сердца; умиротелен, но и страшен был для меня момент этот. Вот, думал я, по неисповедимой воле Провидения, из холодной отчизны Севера привёл я православное моё русское воинство для того, чтоб в земле иноплеменников, столь недавно ещё нагло наступавших на Россию... на том самом месте, где пала царственная жертва от буйства народного, принести совокупную, очистительную и вместе с тем торжественную молитву Господу... И мне забавно было видеть, как французские маршалы, как многочисленная фаланга генералов французских теснилась возле русского креста и друг друга толкала, чтоб иметь возможность скорее к нему приложиться... Так оторопели французы от духовного торжества русских» [12, т.3, с.223].

Всё свободное от многочисленных политических дел время Александр I, как заправский путешественник, использовал для осмотра парижских достопримечательностей.

Причём совершал он эти поездки верхом, без всякого конвоя, не сообщая о своих маршрутах предварительно властям города. Всё это вызвало сильнейшее беспокойство префекта полиции Парижа Пакье, умолявшего изменить этот порядок туристических вояжей русского императора. Но, как известно, опасения Пакье оказались напрасными, он прекрасно понимал, что большая охрана не могла способствовать росту популярности освободитель Европы [12, т.3, с.230].

Из Парижа путь русского императора лежал в Англию. 26 мая 1814 г. он в сопровождении короля Пруссии высадился в Дувре. Население встретило гостей невыразимым восторгом. «Как только Александр и Фридрих-Вильгельм вышли на берег и сели в приготовленные для них экипажи, народ отпряг лошадей и повёз на себе обоих монархов в город... На следующий день путешественники отправились в Лондон, где их ожидали не менее торжественная встреча и нескончаемые приёмы и празднества [12, т.3, с.243].

14 июля 1814 г. российский император отплыл из Дувра в Кале и отправился оттуда в Остенде, Антверпен, Брюгге, Гент. Здесь встречи были особо торжественны, жители будущей Бельгии с надеждой смотрели на главного персонажа будущего Венского конгресса, где решались судьбы всех европейских народов. Не случайна поэтому щедрость южнонидерландских нотаблей по случаю визита русского императора. Например, в Антверпене подробная роспись расходов на это мероприятие составила почти 1500 франков — изрядная сумма по тому времени. По распоряжению бургомистра некто Ф. Петерс поставил 60 бутылок пива, а Ланге ещё больше вина. Отметим, что счета за это городским властям оплатили только через несколько лет. 333 франка ушло на 764 плошки с салом для освещения королевского дворца, ещё 420 франков на лошадей и кареты [8, с.15].

Несмотря на «торопливость», которую отмечали все очевидцы вояжа Александра I по северной Европе, он с неутолимой жадностью настоящего путешественника впитывает все возможные впечатления от поездки. Подобно

своему далёкому предшественнику, Петру I, император проявляет огромный интерес ко всему, что видел: к шлюзам близ приморского Остенде, к верфям и докам Антверпена, а также к фламандской живописи и мастерским художников [7, с.30]. Примером тому может быть посещение Александром I Антверпена. Он торжественно сошёл на берег в порту этого города 17 июня 1814 г. в 4 часа пополудни. Естественно, что вечер был потрачен на торжественный приём. Для того чтобы успеть хоть что-то увидеть, на следующий день встал затемно, успел осмотреть арсенал и церковь Богоматери, подробно верфь и док, где особенно любовался драгоценными трофеями союзников – 47 большими военными судами, построенными Наполеоном для захвата Англии. Несмотря на дефицит времени, он всё-таки успел побывать в мастерских двух антверпенских художников и только после этого, в то же утро отплыл в Роттердам [8, с.13]; в Голландии царь осмотрел все важнейшие города. Из Амстердама Александр I направился в Брухзаль, где его ожидала супруга Елизавета Алексеевна, гостившая у своих баденских родственников.

За время длительных путешествий у Александра I выработался профессионализм в исчислении времени европейских маршрутов. Так, из Роттердама он послал записку Аракчееву, лечившемуся на водах в Аахене с просьбой встретить его в Кёльне около полудня 22 июня 1814 г. [12, т.3, с.246]. Согласитесь, достаточно точный расчёт для довольно продолжительного пути.

Императрица встретила супруга в Рорбахе, а затем они вместе прибыли в Брухзаль и начались приёмы, обеды и т.п. Затем Александр ненадолго вернулся в Россию, причём, понимая краткость своего «визита» на Родину, он даже запретил супруге Елизавете Алексеевне возвращаться домой, желая, чтобы она непременно сопровождала его на Венский конгресс [12, т.3, с.248].

12 июля 1814 г. российский император приехал в Царское Село после более чем полугодового отсутствия в России. После многочисленных кадровых перестановок и отечественных торжеств по случаю победы над Наполеоном, 1 сентября он покинул Пе-

тербург [12, т.3, с.264].

13 сентября Александр I прибыл в Вену, поселившись вместе с прусским королём в Габбурге [12, т.3, с.269]. 15 сентября к нему присоединилась супруга Елизавета Алексеевна, ещё раньше его сестры Мария и Екатерина Павловны [12, т.3, с.270]. Началось невиданное в истории собрание европейского ареопага, где короли исчислялись десятками, а князья – сотнями. Оно, как известно, сопровождалось ожесточённой дипломатической борьбой, но увеселения, которые устраивали для венценосцев, собравшихся в Вене, не прекращались и поражали своей пышностью и разнообразием. «Балы, маскарады, представления живых картин, торжественные обеды, фейерверки и карусели сменялись прогулками в санях, охотами, «парадами». Недаром принц де Линь, со свойственным ему остроумием, назвал европейский форум в Вене «Танцующим конгрессом» [12, т.3, с.286].

Среди этой круговерти, изобилующей, естественно, многочисленными любовными интригами, в которых весьма преуспел известный ловелас Александр I, у любимой сестры монарха Екатерины Павловны начался бурный роман с принцем Вильгельмом Вюнтербергским, закончившийся через некоторое время их бракосочетанием [3, с.124].

Большие паузы в дипломатических переговорах, вызванные принципиальными разногласиями союзников по поводу будущего устройства Европы, прибавили и необходимости их заполнения различными экскурсионными поездками. В конце сентября 1815 г. по предложению австрийского императора состоялась экскурсия Александра I для обозрения полей сражения при Асперне и Вограме [12, т.3, с.288], а 12 октября российский император в сопровождении императора Франца и короля Пруссии предпринимает путешествие в Венгрию. Здесь Александр I снова снискал к себе высочайшее благоволение со стороны высшего венгерского общества, особенно после того, как появился впервые в лейб-гусарском мундире, что было расценено венграми как знак уважения к их народному одеянию [12, т.3, с.290]. 16 октября Александр покинул Офен и возвратился в Вену через

Пресбург; по дороге в семи верстах от Офена, в местечке Ирем он посещал обедню в церкви, построенной на месте погребения его старшей сестры великой княжны Александры Павловны, выданной в своё время замуж за австрийского эрцгерцога Иосифа, бывшего венгерским палатином.

Судьба Александры в замужестве оказалась крайне тяжёлой. Венский двор, находившийся на пути разрыва с Россией и приверженный католицизму, встретил православную эрцгерцогиню крайне недоброжелательно. К ней сразу же было проявлено недоверие и установлен негласный надзор.

Даже после кончины великой княжны, последовавшей в 1801 году после неудачных родов, её преследовала злоба венского двора. Духовнику княгини, священнику Самборскому, было приказано совершить погребение тайно, в ночное время, без всяких почестей. Александру похоронили в собственном саду эрцгерцогини, где затем и была выстроена небольшая православная церковь, освящённая 30 августа 1801 г. [2, с.32]. Обедня в этой церкви с участием Александра I была не только данью памяти сестре, она являлась немым укором венским властям за несчастную судьбу русской княгини.

Вообще венский двор крайне раздражительно относился к любым проявлениям в плане выполнения конфессионального долга Александром I. Например, взрыв возмущения последовал после данных им аудиенций православным священникам из Иллирии и Долмации, после он вынужден был принимать их втайне! [12, т.3, с.292]. Это лишь маленький штрих в общей картине негативного, если не враждебного отношения к Александру со стороны бывших союзников. Вся Европа, как победившая, так и побеждённая, всеми силами пыталась умалить роль России в победе над Наполеоном, не дать ей возможность воспользоваться плодами этой победы и занять ведущее место среди европейских стран. Дело дошло до заключения секретного договора против России, ставшего печально известным, после того как бездарный король Франции Людовик XVIII бежал из Парижа и

оставил оригинальный текст договора в своём письменном столе.

Только новая угроза европейскому миру в лице сбежавшего с острова Эльба Наполеона заставила союзников принять условия России: 21 апреля 1815 года между ней, Австрией и Пруссией был подписан соответствующий трактат, и, не дожидаясь подписания основного акта Венского конгресса, 13 мая Александр I покинул Вену [12, т.3, с.320].

После получения известий о битве при Ватерлоо Александр I 11 июня перенёс свою главную квартиру на Рейн в Мангейм [12, т.3, с.332], через который проходили русские войска на территорию Франции, а затем двинулся в путь к Парижу в колонне войск генерала Раевского [12, т.3, с.332]. Получив весть о взятии французской столицы, император вместе со своими австрийскими и прусскими коллегами предпринял довольно опасный двухсотвёрстный бросок до Парижа, который проходил по территории, не контролируемой союзническими войсками. 28 июля Александр благополучно достиг французской столицы и поселился в Елисейском дворце [12, т.3, с.338]. Резко изменился образ жизни Александра: он уединялся, избегал празднеств и увеселений [12, т.3, с.338]. Резко выросла строгость и нетерпимость императора. В 1814 году при первом занятии Парижа царь разрешил всем военным носить гражданское платье, не присутствовать на разводах, словом, как писал очевидец, «будучи свидетелем подвигов армии, убеждался ... в том, что строгое соблюдение гарнизонной службы бесполезно» [12, т.3, с.338]. То же, казалось бы, повторилось и в 1815 году, но продлилось всего две недели. Увидев на прогулке по Елисейским полям английского военачальника Веллингтона, обучавшего рекрутов, Александр на следующее утро возобновил учения и разводы и прочие «преlestи» гарнизонной муштры [12, т.3, с.338].

Участились наказания боевых офицеров за недостаточную строевую подготовку. Например, когда две дивизии, входившие в Париж церемониальным маршем, сбились с ноги, Александр приказал арестовать трёх полковых командиров и, для большего унижения, поса-

дить их на английскую гауптвахту. Не помогло ни заступничество генералов, ни «героическое непослушание» в выполнении данного приказа генерала Ермолова [12, т.3, с.336].

Завершилось пребывание в Париже Александра I подписанием акта Священного союза [12, т.3, с.344].

Следующие два года царь не выезжал за границу, если учесть, что Польша стала частью Российской империи. Но и на Родине тяга к путешествиям не оставляла Александра I.

А 27 августа Александр вновь отправился за границу, на конгресс в Ахен, где решался вопрос о сроке пребывания оккупационных войск во Франции.

Во время конгресса Александр вместе с Фридрихом-Вильгельмом побывал в Валансьене на смотре оккупационных войск. Затем царь посетил главную квартиру русских войск в Мобёже, присутствовал на смотре прусских войск в Седане и, в заключение, вместе с прусским королём и великим князем Константином Павловичем отправился в Париж, чтобы навестить Людовика XVIII. Визит был против его воли, но необходим для поддержания власти французского короля, поэтому он был ограничен одним обедом, после чего Александр I вернулся в Ахен [12, т.4, с.122].

Здесь императора проездом навестила мать — вдовствующая императрица Мария Фёдоровна, также путешествовавшая по Европе. Путь её лежал в Брюссель, встретивший её с не меньшей пышностью, чем сына. Она гостила здесь у своей дочери Анны Павловны, принцессы Оранской, невестки голландского короля, которому Венский конгресс вручил власть над Бельгией как частью единого государства Нидерландов [7, с.31].

Вообще же Ахенский конгресс стал поводом поистине для «венценосного туристического десанта» представителей русской императорской фамилии в Европу. К Александру I неоднократно выезжали великие князья Константин, Николай и Михаил Павловичи, путешествовала и его жена императрица Елизавета Алексеевна. Когда Александр I отправился на конгресс в Ахен, она выехала следом, воспользовавшись случаем, чтобы на-

вестить своих родных. В результате получился настоящий круиз по городам Германии. Она останавливалась в Дармштате у своей сестры Вильгельмины, «где старый герцог «угощал» её оперой собственного сочинения. Затем отправилась в Веймар, где гостила у сестры мужа Марии Павловны и её супруга великого герцога Саксен-Веймарского. Здесь она общалась с Гёте, воспитателем дочерей герцога. В Мюнхене состоялось свидание с сестрой Каролиной, баварской королевой, а в Карлсруэ Елизавета увиделась с матерью. Вместе они отправились в Баден, где лечился отец. Вскоре в Баден приехала императрица Мария Фёдоровна и королева Вюртенбергская Екатерина Павловна, которая взяла слово с Елизаветы навестить её на обратном пути в Штутгарте. Слово императрица сдержала, но, едва выехав в Штутгарт, узнала, что императрица скоропостижно скончалась. «Приятная поездка закончилась на роковой ноте» [3, с.131].

Но это случится уже после возвращения Александра I из Европы. А пока он 4 ноября 1818 года отправился из Ахена в Брюссель. Перед отъездом ему доложили, что готовится заговор с целью похищения главы русского государства и принуждения его подписать прокламацию об освобождении Наполеона и о возведении на французский престол его сына. Вероятно, угроза заговора была совершенно реальна. Были приняты повышенные меры безопасности. К чести Александра I, он принял угрожающую весть равнодушно и не отменил поездку. В Брюсселе царь наслаждался отдыхом в семейном кругу, неоднократно посещал многолюдные гуляния без всякой охраны.

21 ноября он выехал из Брюсселя и через Ахен и Франкфурт проследовал в Карлсруэ для свидания с императрицей Елизаветой Алексеевной. Из Карлсруэ император направился в Штутгарт, где в последний раз виделся с сестрою [12, т.4, с.124].

Посетив вторично веймарский двор, где он снова встречался с гостившей там матерью, императрицей Марией Фёдоровной, Александр отправился через Богемию в Вену. В это время уже наступила холодная осенняя

погода, дождь лил, не переставая, до самой Вены, дороги «совсем испортились», однако царь требовал непременно преодолевать расстояние, намеченное по маршруту. Вследствие этого ночлегов достигали очень поздно и останавливались на них не более трёх часов [12, т.4, с.125]. Этот маршрут Александр, уже будучи практически профессиональным путешественником, разработал сам во время пребывания в Ахене. Вот что он писал в письме Аракчееву: «Через два дня надеюсь отсюда выехать в Брюссель, где полагаю пробыть два дня, потом еду в Штутгарт, где останусь три дня, потом через Богемию в Вену, куда надеюсь прибыть 30 ноября, а 10 декабря выезжаю и, с Божьей волею, надеюсь прибыть в Петербург 23 декабря в вечер» [12, т.4, с.122]. Вообще же русский император всегда передвигался очень быстро, ведя довольно аскетичный образ жизни. В пути, по рассказам очевидца, «он просыпается часу восьмом, в постели кушает чай, потом надевает белый халат, молится Богу, и начинает, не торопясь, одеваться ... Туалет продолжается с час; потом, отъехав вёрст тридцать или сорок, он обедает с большим аппетитом и пьёт только бургундское вино, которое нарочно присылается из Петербурга; после кофея встаёт из-за стола и немедленно отправляется в путь. Вёрст через шестьдесят подают чай, что по прибытии на ночлег опять повторяется. Таким образом, в сутки он один только раз принимает пищу» [12, т.4, с.127]. Ничего удивительного, что при таком ритме передвижения Александр I прибыл в Вену точно по графику 30 ноября 1818 года. Здесь он вёл себя как заправский «турист»: не занимался делами, по утрам ездил по городу, осматривал войска и некоторые общественные заведения, а вечера проводил в кругу семейств, знакомых ему по Венскому конгрессу.

10 декабря Александр продолжил путь в Россию, сделав небольшую остановку в Польше и Минске, точно по расписанию прибыл 22 декабря в Царское Село, проделав в 1818 году путь длиной более чем 14 тысяч вёрст [12, т.4, с.130].

В 1820 году началось очередное заграничное путешествие Александра I. 9 июля он

выехал из Петербурга, а политические обстоятельства позволили ему вернуться на Родину только в мае 1821 г. Во время этой поездки император посетил Тверь, Москву, Воронеж, Курск, Харьков, Полтаву, а также южные военные поселения [12, т.4, с.177]. 15 августа он прибыл в Варшаву, и начались неизбежные ежедневные разводы, парады, разнообразные учения. 1 сентября последовало открытие второго польского сейма, заседания которого продолжались ровно один месяц.

Между тем, с 1819 года Европа бурлила негативными политическими событиями: волнение в Германии, убийство Йенским студентом Зандом Коцебу, которого считали шпионом российского правительства, волнения в Испании, в Неаполе и северной Италии, убийство герцога Беррийского в феврале 1820 года. Всё это, естественно, вызывало озабоченность членов Священного союза, которые решили созвать конгресс в Троппау, в австрийской Силезии [12, т.4, с.180]. Поэтому, не возвращаясь в Петербург, из Варшавы Александр направился на конгресс, прибыл в Троппау 8 октября 1820 года [12, т.4, с.182], не подозревая, что задержится здесь на длительный срок. К тому же положение всё более усугублялось: вести о европейских «язвах революции», удручающие русского императора, дополнились известием о восстании в Семёновском полку в России.

Пребывание в маленьком Троппау было тягостным ещё и по причине захолустности данного местечка. «У нас скука ужасная», «на меня отчаяние находит от скуки», непрерывно жаловался бессменный спутник Александра I в путешествиях князь Волконский. Благодаря непролазной грязи и отсутствию тротуаров, в Троппау было даже затруднено движение, и городские власти распорядились устроить дощатый тротуар, чтобы дать возможность русскому императору совершать свои ежедневные прогулки. В декабре ненастная осень сменилась суровой зимой, морозы превышали 10 градусов по Цельсию. Наконец, 15 декабря Александр I покинул Троппау и, передохнув недолго в Вене, 27 декабря переехал в Лайбах, куда были перенесены заседания конгресса [12, т.4, с.191].

В марте 1821 г. австрийские войска захватили Неаполь, с освободительным движением на юге Италии было покончено. Казалось бы, Александру можно было вернуться в Петербург, но судьба готовила охранителям европейского спокойствия новые тревоги: в Пьемонте вспыхнула революция. Дело дошло до того, что царь предоставил русские войска в помощь Австрии, но к счастью, эта помощь оказалась невостребованной, и выступление было подавлено австрийскими штыками [12, т.4, с.192].

В Лайбахе Александра застала Пасха 1821 года, приходившаяся на 10 апреля. В это время гарнизон города составлял пехотный полк, состоящий из одних кроатов православного вероисповедания. Они обратились к русскому императору с просьбой отпраздновать Пасху в его походной церкви, на что было получено «высочайшее позволение». «По окончании заутрени, — писал очевидец, — государь позволил христосоваться со всею своею свитою, а равно и со всеми кроатами, а после обедни, по повелению императора, все кроаты разговлялись во дворце вместе с нашими русскими. Это произвело неописуемый энтузиазм и особенную любовь и преданность к нашему великому императору во всём гарнизоне. Так что австрийские высшие начальники замечали это очень не равнодушно» [12, т.4, с.195]. Да, не удержался «успокоитель Европы» и тут сорвать свою толику всеобщего благоговения...

Ещё одно событие отодвинуло сроки отъезда Александра из Лайбаха: генерал-майор русской службы князь Ипсиланти, грек по национальности, собрав отряд из греков, арнаутов и «русских удалцов» перешёл границу и вступил в Яссы. Это спровоцировало восстание греков в нескольких местностях. Хотя национально-освободительная борьба греческого народа против турецкого ига не имела ничего общего с революционными выступлениями в Европе, но она попала в один сравнительный ряд и вызвала резкую негативную реакцию всех членов Священного союза. Успехи Ипсиланти были недолги, вскоре он был разбит турками, сбежал в Австрию, где был посажен в крепость [12, т.4, с.200].

Только 1 мая 1821 года последовал, на-

конец, отъезд Александра I из Лайбаха. Обратное путешествие проходило не через Вену, а через Офен, а затем по Венгрии и Галиции в Варшаву. «Это обстоятельство, — по замечанию одного из спутников Александра, — не очень было приятно австрийскому правительству в виду встречавшегося на этом пути славянского населения». В Офене царь остановился у венгерского палатина и вновь посетил место погребения своей сестры — великой княгини Александры Павловны [12, т.4, с.200].

В Варшаве Александру доложили о страшных последствиях греческого восстания. В Константинополе 74-хлетний патриарх Григорий был схвачен и повешен у входа в церковь, причём происходило это в день Святой Пасхи. Смертной казни подверглись ещё три митрополита, словом, восстание послужило поводом к повсеместному избиению христиан на всей территории Турции [12, т.4, с.201].

С тяжёлым сердцем 24 мая 1821 года возвратился Александр I в Царское Село, после отсутствия в России почти год [12, т.4, с.201]. Такое продолжительное, к тому же незапланированное пребывание за границей привело к тому, что в 1821 году император практически не покидал столицу, за исключением посещения грузинского поместья своего фаворита Аракчеева и осеннего смотра гвардейского корпуса в Белоруссии [12, т.4, с.226].

В следующем, 1822 году, Александр I совершил свою последнюю поездку за границу, и она должна была быть продолжительна — главам Священного союза предстоял очередной конгресс в Вероне.

Все участники конгресса отмечали перемены в Александре в сторону мрачной меланхолии. Австрийский император Франц вспоминал о высказанном ему русским самодержцем предчувствии скорой кончины, а глава внешнеполитического ведомства Австрии Меттерних очень точно подметил новую черту в характере Александра: утомление жизнью [12, т.4, с.261]. Всё время в Вероне царь провёл в большом уединении, обедал почти всегда один. Главное удовольствие состояло лишь в прогулках пешком и верхом. Предполагавшаяся первоначально поездка в Милан не состоялась

вследствие открывшегося там заговора против австрийского правительства. Александр отказался даже от посещения Рима.

В конце ноября в Вероне началась суровая зима, морозы доходили до 10 градусов. На обратном пути в Россию, около Падуи, кортеж императора попал в страшную вьюгу, мороз усилился до минус 16 градусов, так что писари и экипажные служители отморозили пальцы на руках и ногах; по пути Александр посетил Венецию, где пробыл вместе с прусским королём и австрийским императором несколько дней, а затем продолжил путь через Тироль. В день своего рождения 12 декабря он слушал обедню в Бриксене, где заблаговременно была подготовлена его походная церковь.

21 декабря император прибыл в местечко Пильзен в Богемии, где его ожидала великая княгиня Мария Павловна со всем семейством. Здесь он пробыл несколько дней [12, т.4, с.262]. По дороге в Петербург он сделал короткую остановку в Варшаве и 20 января 1823 года прибыл на ночлег в Царское Село [12, т.4, с.267]. Так закончилось последнее заграничное путешествие Александра I, но страсть к «беспрерывным передвижениям» не покидала царя и на Родине.

Наконец наступил 1825-й, последний год жизни императора Александра I. Он также отмечен постоянными передвижениями русского самодержца. 4 апреля Александр во время сильнейшей распутицы выехал в Варшаву, куда прибыл 15 апреля. 1 мая последовало открытие третьего польского сейма. Во время его заседаний царь предпринял поездку для осмотра некоторых воеводств, соседствующих с Пруссией. После закрытия сейма, работа которого продолжалась ровно месяц, 2 июня Александр I выехал из Варшавы.

В дальнейшие передвижения Александра I внесла коррективы тяжёлая болезнь его жены императрицы Елизаветы Алексеевны. Следует отметить, что с начала 1820-х годов началось неожиданное для многих сближение императорской четы, хотя до того весь период брака Александр пренебрегал супругой. Но стремление императора в последние годы к благочестивой жизни и замеченные им, нако-

нец, несомненные духовные качества жены, видимо, и послужили основой для семейной идиллии, которую исследователь сердечных тайн семьи Романовых И.А. Громова очень точно охарактеризовала как «медовый финал несчастливой супружества» [3, с.133].

В конце июля 1825 г. лейб-медики Виллие и Стофреген высказали мнение, что императрица не перенесёт предстоящую зиму в Петербурге и настоятельно рекомендовали пребывание её в южном климате: выбор решался между Италией, южной Францией или югом России. В конце концов, выбор пал на Таганрог. Александр объявил, что отправляется туда немедленно и вернётся в столицу только к новому году.

3 сентября императрица Елизавета Алексеевна выехала из Петербурга и 23 сентября благополучно прибыла в Таганрог. Её здоровье улучшилось даже во время дороги так, что она сама, без посторонней помощи смогла выйти из кареты [12, т.4, с.358].

Совместная жизнь венценосных супругов в Таганроге походила на идиллию. Александр и Елизавета подолгу гуляли вдвоём, приветливо отвечая на поклоны прохожих, объезжали окрестности, любовались курганами. Муж старался исполнить любое желание супруги. Как-то Елизавета Алексеевна посетовала, что из городского сада не видно моря, и царь сразу же приказал расчистить аллею с видом на побережье [3, с.138]. Благодаря такому вниманию, здоровье императрицы значительно улучшилось, и Александр, пользуясь своим пребыванием на юге России, смог предпринять путешествие по близлежащим областям. 11 октября он на несколько дней отправился в Землю Войска Донского и посетил Ростов, Нахичевань и Новочеркасск [12, т.4, с.367]. Существовали планы о более обширном путешествии в Уральск и Астрахань, но они не были осуществлены, и 15 октября Александр возвратился в Таганрог [12, т.4, с.368].

Воодушевлённый этим вояжем, Новороссийский генерал-губернатор граф М.С. Воронцов упросил императора посетить Крым, уверяя, что они успеют вернуться до наступления дождей и холода. Однако именно эта поездка стала роковой: Александр во время нее заболел.

Первые симптомы болезни проявились довольно быстро, но царь не желал с этим мириться и выполнил программу пребывания в Крыму до конца. Даже находясь уже в лихорадке, отказался остаться в Мариуполе и последние 90 вёрст до Таганрога проделал за восемь часов в закрытой коляске, в шинели, накрытый медвежьей полостью. Он вернулся, как и обещал императрице, 5 ноября [12, т.4, с.438].

В Таганроге состояние Александра I стремительно ухудшалось, и 19 ноября 1825 года русский самодержец скончался. Но даже мёртвому императору предстояло длительное путешествие. События междоусобицы надолго задержала отправку гроба с телом царя в столицу, лишь 29 декабря 1825 г. печальная процессия покинула Таганрог [12, т.4, с.439]. Путь лежал через Харьков, Курск, Орёл, Тулу в Москву. И, наконец, 13 марта состоялось погребение Александра I [12, т.4, с.249]. Его супруга ненадолго пережила своего венценосного мужа. Она скончалась по дороге в столицу и упокоилась в родовом склепе рядом с могилой Александра I 21 июня 1826 г. «Всю жизнь в дороге – и умер Таганроге», – таков итог жизни императора Александра I, отражённый в саркастической эпиграмме явного недоброжелателя. Сколько в ней мрачной иронии, досады от того, что император предпочёл путешествия столь необходимым России реформам. Об этом много сказано и много написано. Для предмета нашего исследования важно другое: как повлияли путешествия, особенно заграничные на Александра I? Ведь аналогичная ситуация веком раньше привела нас к выводу о том, что заграничные преобразила Петра I – Пётр I преобразил Россию [5, с.372]. Почему эта формула оказалась недействительной в начале XIX века? Ведь начало царствования Александра I охарактеризовано Пушкиным как «дней александровых прекрасное начало», казалось бы, заграничные путешествия лишь добавляли новых штрихов к либеральным воззрениям молодого русского императора. Ещё во время Эрфуртских переговоров с Наполеоном в 1808 году он обратился к М.М. Сперанскому с вопросом: «Как тебе за границею?» Сперанский ответил: «У нас люди лучше, но здесь лучше

установления». «Это и моя мысль», – продолжил государь [12, т.2, с.250].

Даже в 1812 году, уже после отставки и высылки из Петербурга автора грандиозного плана преобразования политической системы России М.М. Сперанского, Александр I характеризовал свою борьбу с Наполеоном как «последнюю борьбу независимости против порабощения либеральных идей, против системы тирании» [12, т.2, с.4]. Но затем более детальное знакомство с заграничной обстановкой постепенно меняет отношение Александра I к либерализму. Ещё продолжают реформаторские обещания о конституции и отмене крепостного права, но уже на фоне резкого охлаждения к европейским порядкам, в отношении к Франции доходящем до открытой ненависти. Так, в манифесте 1816 г. русский император называет Париж «гнездом мятежа, разврата и пагубы народной» [12, т.4, с.1]. С 1820 года перед нами уже консерватор, ставящий главной целью «укрощение стремлений народов, направленных на видоизменение их политического положения, где бы эти попытки не проявляли своего существования» [12, т.2, с.4], причём действительно всех попыток, невзирая на то, что их побудило к жизни, будь то «низменные бредни безбожных революционеров» или вполне справедливая борьба балканских народов за независимость.

Налицо эволюция Александра I – либерала к Александру I – консерватору. Заметим, что именно в это время значительная часть дворянской интеллигенции, попав в заграничный поход, напитывалась западными либеральными идеями, а русский монарх, взойшедший с ними на престол старанием своего воспитателя Лагарпа, их утрачивал. Это противоречие, как известно, приведёт к возникновению в России оппозиции, но не той конструктивной, о которой рассуждал в Лондоне Александр I с представителями партии вигов, а оппозиции, ставившей целью насильственный слом существующего режима и даже убийство царя – бывшего либерала.

Однако, вернёмся к злой эпиграмме: «Всю жизнь в дороге – и умер в Таганроге». Она звучит как обвинение в том, что пристрастие

Александра I к путешествиям было пагубным для России, ждущей серьёзных перемен, русский царь предпочёл личные путевые впечатления положительным изменениям собственного Отечества. Отметим, что все перемещения Александра были связаны не с его чисто туристическими желаниями «видеть страны», а с государственной необходимостью: за границей — это личное участие в международных военных и дипломатических мероприятиях; на Родине — беспокойство о состоянии вооружённых сил России. Но всё же масштаб его путешествий действительно, несмотря на все оправдательные моменты, был явно чрезмерен. За более чем 24-хлетнее правление царь провёл вне столицы почти 7 лет, из них ровно три с половиной года за границей. А если учесть, что львиная доля его странствий приходится на вторую половину правления, то можно легко подсчитать, что царь почти половину времени провёл в дороге. Это напоминает уже не путешествие, а бегство. По очень тонкому замечанию князя П.А. Вяземского, он «в последнее десятилетие уже не был и не мог быть Александром прежних годов... Заграничное революционное движение, домашний бунт, неурядицы, строптивые замашки Варшавского сейма ... более чем догадки о том, что в России замышлялось что-то недоброе ... не могли не отразиться сильно на впечатлительном уме Александра...» [12, т.4, с.202]. Так что это было бегство не только от проблем, скорее всего, это было бегство от себя.

Но, возвращаясь к теме нашего исследования, обратим внимание на Александра I, как на «человека путешествующего». Ведь именно

он возродил практику длительных заграничных путешествий, прерванную последствиями Великой Французской Революции и наполеоновскими войнами, когда по Европе «странствовали» далеко не с туристическими целями полчища солдат. Несмотря на явно негативное отношение ко многим странам, особенно к Франции, со стороны русского императора не последовало никаких запретов на выезд граждан Российской империи. Более того, царь показал мощный личный пример приверженностью к путешествиям, что для самодержавного государства было определяющим фактором в поведении высших слоёв общества. Он заложил основные принципы венценосного туризма для своих потомков: обязательное посещение родственников, которых в королевских домах Европы становилось всё больше, вежливое и доброжелательное отношение ко всем гражданам посещаемой страны, поддержка православия, детальное ознакомление со всеми встречающимися в пути достопримечательностями, даже в ущерб сну и отдыху, планирование маршрута и времени пребывания в различных пунктах и т.д., и т.п. Колеса экипажа Александра I проложили колею по всему европейскому континенту, по ней вскоре, вслед за царём, устремятся сотни россиян. Недаром эта пора в современной литературе названа эпохой путешествий!

И если исходить из последних размышлений, то к упомянутой «злой» эпиграмме можно добавить существенно реабилитирующую Александра I нотку: «Всю жизнь в дороге — и умер в Таганроге», — как и подобает настоящему заядлому путешественнику.

Литература

1. Воронцова Л.П. История туризма и гостеприимства. М., 2004.
2. Григорян В.Г. Романовы. Биографический справочник. М., 2006.
3. Громова И.А. Романовы: сердечные тайны. М., 2008.
4. Крючков А.А. История международного и отечественного туризма. М., 1999.
5. Мазин К.А. Российские путешественники и курортники в Европе (из истории российского туризма) // Институт туризма и гостеприимства: Сб. науч. трудов М., 2006.
6. Монтень Ш. Опыты (книга вторая). М.-СПб., 2006.
7. Ронин В.К. Между войной и реформами. Русские в Бельгии: 1814-1861 // Страна синей птицы. М., 1995.
8. Ронин В.К. Подданные царя в городе сеньоров. М., 1994.
9. Российская летопись. СПб., 2001.
10. Собко Е.М. Великая княгиня Екатерина Павловна // Вопросы истории. 2004. №3.
11. Философский энциклопедический словарь. Изд. 2. М., 1989.
12. Шильдер Н.К. Александр I: его жизнь и царствование. В 4-х т. СПб., 1898.